

63.3(2)
НМ

М. НИЯЗМАТОВ

ПОИСК КОНСЕНСУСА

РОССИЙСКО-ХИВИНСКИЕ
ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ В
XVI-НАЧАЛЕ XX В.

ЛН-322106

М. Ниязматов

ПОИСК
КОНСЕНСУСА

Российско-хивинские
геополитические отношения
в XVI—начале XX в.

Издательство «Петербургское Востоковедение»

Санкт-Петербург
2010

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
"ОРЕНБУРГСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ИМ. Н. К. КРУПСКОЙ"

производства, обновления и расширения его структуры, повышения благосостояния населения.

Ход и результаты российско-хивинских торгово-экономических и дипломатических отношений не могли удовлетворить обе стороны. Опыт и повседневная практика межгосударственных контактов ясно демонстрировали недолговечность эпизодических, узкопроблемных соглашений, их проецированность в основном на решение текущих проблем, не позволявших с максимальной эффективностью использовать потенциал обеих стран в общих интересах. Российско-хивинским отношениям требовалось придать иное качество, перевести их на долгосрочную и договорную основу.

Поиск подходов к совершенствованию связей между Хивой и Россией серьезно осложнили наметившиеся в конце 30-х гг. XIX в. рост международной напряженности и резкое обострение противостояния ведущих мировых держав, развязавших новый виток борьбы за очередной передел сфер влияния.

Прозрачно обозначившееся в 20-е и начале 30-х гг. XIX в. стремление России и Хивы к сближению, естественным образом ведущее к усилению российского влияния в регионе Центральной Азии, а также к существенному упрочению в нем и позиций ханства, а в конечном итоге — к радикальному изменению здесь всей политической ситуации, не соответствовало интересам не только соседних Бухарского эмирата, Персии, Турции, но также и Англии, которая претендовала на роль гегемона в Приаралье и Прикаспии. Она создавала свои опорные базы в государствах Ближнего и Среднего Востока, Юго-Западной Азии, пыталась внедрить в органы государственного руководства военный аппарат «агентов влияния», добиваясь от местных правителей уступок политического и экономического характера. Политика Англии встречала поддержку и некоторых представителей правящих кругов России, преклонявшихся перед сомнительными западными ценностями. Они оказывали ей содействие не всегда продуманными, а порой и просто умышленными провокационными действиями.

Происки Англии в Амударьинской долине. Попытки «ястребов» дестабилизировать российско-хивинское сотрудничество

Великодержавная политика Британии представляла реальную угрозу российско-хивинским отношениям. К середине 30-х гг. XIX в., колонизировав значительную часть Индии и создав у самых границ государств Центральной Азии плацдармы для ведения подрывных операций против России, Британия расширила неприкрытое вмешательство во внутренние дела Хивы, Бухары и Коканда, раздувание анти-

русской истерии. Этой проблеме посвящена обширная литература⁶⁴ и подробно останавливаться на ней вновь нет необходимости. Напомним лишь, что британские происки в регионе начались еще раньше, в 20-е гг., когда Английское правительство вплотную принялось за подготовку военного похода на Афганистан, которому в стратегических планах официального Лондона отводилась роль трамплина в утверждении в обширном Прикаспийско-Приаральском регионе британской короны, в воспрепятствовании дальнейшему продвижению России на Восток и усилению ее влияния на пограничные государства, включая и Индию. По завершении похода Английское правительство намеревалось сколотить «союз мусульманских стран», который должен был превратиться в своеобразный щит, разделяющий геополитические интересы России и Великобритании на Ближнем и Среднем Востоке, а по сути — расширить границы британских владений за счет колонизации новых земель в Центральной Азии, а также создать своеобразный «пояс безопасности» на северо-западе Британской Индии.

Для дискредитации восточной политики России, развала ее связей с государствами Центральной Азии, в том числе Хивинским ханством, Англия широко использовала самые разнообразные формы подрывной деятельности. Среди них — засылка агентов разведывательных, военных и других служб для сбора стратегической информации, сплетение агентурной сети, ведение антирусской пропаганды; подкупы правителей центральноазиатских и ближневосточных стран, их влиятельных сановников; поставки оружия антирусски настроенным племенам, обучение формирований современным методам ведения боевых действий; дестабилизация и свертывание российско-азиатских торговых связей путем расширения поставок, в частности через Индию, Афганистан и Персию, а также по Черному морю, на традиционные рынки государств региона по сравнительно низким ценам дешевых, но превосходящих российские по качеству англо-индийских товаров, вытеснение из них таким образом российских изделий и т. д., и т. п. Как пишут сегодня западные исследователи, эту многоплановую подрывную деятельность, охватившую территории Хивинского ханства, Бухарского эмирата и Афганистана, многих других сопредельных государств, британцы называли «Большой Игрой»; в России это был «Турнир Теней». Его фон стал первой «холодной войной» между Востоком

⁶⁴ См.: *Терентьев М. А.* Россия и Англия в борьбе за рынки. СПб., 1876; *Мартенс Ф.* Россия и Англия в Средней Азии. СПб., 1880; *Штейнберг Е. Л.* История британской агрессии на Среднем Востоке. М., 1951; *Халфин Н. А.* Английская колониальная политика на Среднем Востоке (70-е годы XIX в.). Ташкент, 1957; *Мартиросов С. З.* Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии в связи с присоединением Туркмении к России. Ашхабад, 1966; *Хидоятов Г. А.* Из истории англо-русских отношений...

и Западом. Там имелись все ее компоненты: шпионы и контрразведчики, демилитаризованные зоны, марионетки, гибнущие государства... В течение этой эры в дипломатический жаргон вошло понятие «сфера влияния»⁶⁵. Все это осуществлялось для расширения и укрепления зон «жизненных интересов» между великими державами.

Россия категорически отвергала любые формы нагнетания напряженности у собственных границ. Стремясь сохранить стабильность и мир в регионе Центральной Азии, защитить от посягательств извне свои геополитические интересы, она еще до начала англо-афганской войны предложила Английскому правительству конструктивную программу взаимовыгодного сотрудничества. В инструкции внешнеполитического ведомства российскому послу в Лондоне Поццо-ди-Борго от 20 октября 1838 г. приоритетные направления партнерства двух ведущих держав в Центральной Азии излагались следующим образом: «Укрепить тишину в этих странах; не натравлять их одну против другой посредством потворства их взаимной ненависти; ограничиваться соревнованием на поприще промышленности, но не вступать в борьбу из-за политического влияния и, наконец, — что важнее всего остального, — уважать независимость промежуточных, нас разделяющих стран»⁶⁶. По мнению России, такой подход непременно должен был содействовать мирному развитию всех государств Центральной Азии, предотвращению столкновения двух великих держав, их вооруженной конфронтации.

Английское правительство открыто проигнорировало российские предложения. В ответ оно принялось скрытно наводнять Прикаспий и Приаралье резидентами спецслужб и наемной агентурой. В изданных позднее мемуарах многие из них, выдавая себя за путешественников или миссионеров, скрывают причастность к шпионажу, нагнетанию напряженности между Россией и Хивой, дезинформации правительств и подталкиванию к принятию непопулярных решений, затушевывают инсинуации Британии вокруг российско-хивинских отношений, спекулирование избитыми формулировками о «русской угрозе» и давно уже изношенной «угрозе Индии». К последней официальный Лондон прибегал всякий раз, когда вновь собирался предъявлять претензии Санкт-Петербургу.

В Хиве британские эмиссары объявились в 1838 г., одновременно с началом вооруженной интервенции Англии в Афганистан. Вряд ли приходится сомневаться в том, что они, учитывая традиционно друже-

⁶⁵ Mayhew B., Bloom G., Noble J., Starnes D. Central Asia: Kazakhstan, Tajikistan, Uzbekistan, Kyrgyzstan, Turkmenistan. Edition: 4. Lonely Planet, 2007. P. 45.

⁶⁶ Мартенс Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. Т. XII. СПб., 1898. С. 77.

ственный характер отношений Хивинского ханства с Афганистаном, пытались оказать целенаправленное воздействие на контакты между Хивой и Кабулом, максимально изолировать их друг от друга, чтобы не допустить оказания хивинским правителем Аллакули-ханом помощи афганскому эмиру Дост Мухаммед-хану в отражении агрессии и сохранении независимости страны. Судя по документам и материалам, Хивинское правительство не отказывалось от ведения переговоров. Британские представители имели встречи и беседы с Аллакули-ханом, другими высокопоставленными сановниками, которым преподносили от имени своего правительства подарки, заверяли их, как и бухарского эмира, кокандского хана, в «искренности» стремления Англии установить добрососедские отношения с Хивой, не забывая подчеркнуть при этом «неограниченные» возможности британской экономики, «большие выгоды» торговли с Ост-Индской компанией. Эмиссары настойчиво советовали заключить военный союз Хивы с Англией, направить в Лондон и Индию своих представителей для выработки совместного соглашения.

Хивинские власти искренне приветствовали возможность налаживания межгосударственных отношений с Британией, призывы к экономическому и политическому сотрудничеству. При определенных условиях это, несомненно, соответствовало интересам обеих сторон. Вместе с тем официальная Хива категорически отвергала любые шаги, направленные на разрыв традиционных связей с Россией, в которой видела не просто ближайшего соседа, но и партнера в международных отношениях. Вот почему, несмотря на слащавые обещания и подкупы, усилия британских эмиссаров не давали желаемого результата, хотя в некоторых вопросах им все же удалось продвинуться вперед. Но тому были совершенно иные причины.

Нужно признать, что участвовавшие в конце 30-х гг. XIX в. англо-хивинские контакты не во всех кругах российской правящей элиты находили понимание. Не вникая в их суть и смысл, в который раз прикрываясь тезисом о Хивинском ханстве как «непримиримом враге» России, некоторые представители военных кругов в условиях крайне сложной ситуации прилагали максимум усилий с тем, чтобы вновь навязать правительству и российской общественности «силовые методы» решения «хивинского вопроса». Военных поддерживали сам Николай I и ряд высокопоставленных чиновников Министерства иностранных дел. «Ястребов» не останавливало даже то, что вооруженная конфронтация между Россией и Хивой могла послужить поводом для вторжения в регион английских экспедиционных частей, уже перебрасывавшихся из Индии на афгано-иранскую границу, дискредитировать в глазах мирового сообщества российскую восточную политику.

В марте 1839 г. «хивинская проблема» и сложная ситуация, складывавшаяся в Центральной Азии в результате английского вторжения

оправдание предстоящей экспансии перечислялись общеизвестные претензии царского правительства к хивинским правителям, среди них — попустительство грабежам торговых караванов, захваты в плен русских купцов, укрывательство «мятежных элементов», насилие над перешедшими в российское подданство, а также выражающими желание присоединиться к Российской империи прикаспийскими туркменскими и казахскими племенами, и др. Исходя из этого, были провозглашены следующие задачи экспедиции: защита прав российских подданных, прекращение грабежей, освобождение томящихся в ханстве русских невольников. Составители декларации были твердо убеждены в том, что только таким образом может быть упрочено «то влияние, которое неминуемо принадлежит России и которое одно может служить залогом сохранения мира в сей части Азии»⁶⁸. В итоге вполне рядовая военная операция, намечавшаяся первоначально лишь как ответная мера на происки Англии в Центральной Азии и нацеленная главным образом на предотвращение ее утверждения в регионе, превращалась в явно интервенционистскую, направленную против суверенитета и независимости Хивинского ханства. Правительство Николая I, решившее «преподать урок Англии», подобный поворот событий восприняло как должное, хотя речь шла о начале *войны*, последствия которой нельзя было предугадать, против в общем дружественной страны. Она вполне могла перекинуться на другие регионы, а при некоторых условиях — даже способствовать созданию антироссийской коалиции из мусульманских государств.

Поход на Хиву начался 17 ноября 1839 г. Экспедиционный отряд В. А. Перовского представлял достаточно внушительную силу, сравнимую с силами А. Бековича-Черкасского. В нем насчитывались два полка уральских и две сотни оренбургских казаков, свыше трех батальонов пехоты, 150 башкир и 250 киргизов, всего — 3041 пехотинец, 2028 кавалеристов при 22 орудиях. При отряде имелся огромный обоз, состоявший из 10 400 верблюдов⁶⁹. Однако совсем скоро вся бессмысленность похода и бездарность его подготовки стали очевидны. Через месяц с небольшим отряд достиг Эмбенского укрепления, потеряв по пути из-за жесточайших морозов треть обоза и сотни солдат. Наскоро передохнув и оставив больных, он направился на Ак-Булак, куда добрался в начале февраля 1840 г., опять недосчитавшись многих солдат и офицеров. На преодоление Устюртского плато, засыпанного непроходимыми снегами, у отряда Перовского сил уже не было. Боясь потерять остатки разгромленной без единого выстрела многотысячной экспедиции, он отдал приказ о немедленном прекращении похода и возвращении в Оренбург.

⁶⁸ Цит. по: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии... С. 277.

⁶⁹ Йорк фон-Вартенбург. Успехи России в Азии. С. 6.

Англия, внимательно следившая за военно-политическими шагами России в Прикаспии и Приаралье, не замедлила воспользоваться в собственных интересах напряженной ситуацией, возникшей в российско-хивинских отношениях в связи с экспедицией Перовского. Официальный Лондон тут же начал пропагандистскую войну, усиленно распространяя вести о «русском наступлении на Хиву», умалчивая о том, что поводом для него стало, несомненно, противостояние британской «передовой политике» в Афганистане. «Русские, — пишет М. Эванс, — были сильно встревожены возможностью британских посягательств на их торговлю в Центральной Азии, а также того влияния, которое британская поддержка могла оказать на мусульманское правление в ханствах». Некоторые политики даже призывали немедленно ответить России, направив в регион через Гиндукуш британские силы⁷⁰.

Подобный поворот событий не исключал и немецкий историк К. Ф. Нейманн. Он писал, что, закрепившись в Кабуле, в Британии «уже закидывали сети на другие земли Средней Азии. Сначала думали даже о походе на ту сторону Аму, в Самарканд и Бухару»⁷¹. Убеждает в этом и топографическая съемка Гиндукушского перевала, а также пути до приграничного Хульма, являвшегося воротами в долину Амударьи и далее — к Аральскому морю, ранее проводившаяся полевым отрядом капитана Р. Берслема. В британских военно-стратегических планах, следовательно, вооруженная интервенция «за Аму» с территории Афганистана или Ирана не исключалась. От этого шага Англию тогда удерживали лишь реакция России, ее способность на ответные меры, причем на довольно решительные, а также затянувшиеся неудачные военные действия британской армии, которые она вела на афганской территории.

Но усилению разведывательно-диверсионной деятельности это не мешало. С начала 1840-х гг. резко возросла заброска резидентов спецслужб в Хивинское ханство, Бухару и другие районы Центральной Азии. Их подбором, подготовкой и переброской занимался майор д'Арси Тодд, обосновавшийся в Герате и руководивший практически всеми шпионско-диверсионными операциями в Приаралье и на юге России. Основным поставщиком для него «кадров», прошедших специальную подготовку, свободно владевших местными (тюркскими) языками, в частности персидским, знакомых с традициями и обычаями, являлись такие элитные части, как королевские особый корпус и артиллерия, Бенгальская кавалерия, сверхсекретные структуры Ост-Индской компании, где служили офицеры по «особым поручениям»⁶⁶. Он же разрабатывал для засылаемых легенду, снабжал документами,

⁷⁰ *Ewans M. Afghanistan: a new history.* London; New York, 2002. P. 47.

⁷¹ Афганистан и англичане в 1841 и 1842 годах. Сочинение Карла Фридриха Неймана / Пер. с нем. М., 1848. С.101.

деньгами и оружием. Некоторые из них имели при себе официальные письма или верительные грамоты правительства (часто Ост-Индской компании), подписанные в ряде случаев самим майором Тоддом (статус дипломатического посланника Великобритании позволял действовать вполне легально), а порой лишь сомнительного характера письма, содержание которых не имело ничего общего с конкретной миссией. Большинство же пробирались в Хиву нелегальным путем в составе многочисленных торговых караванов, шедших из Индии, Афганистана, Ирана и других сопредельных государств, где было легче затеряться. Каким бы способом эmissары ни пробирались в ханство, от этого суть их миссии вовсе не менялась: каждый действовал зачастую отдельно в строго очерченных заранее рамках с целью получить больший результат и избежать разоблачения в случае возможного провала другого агента.

Среди первых заброшенных в район Хивы и Бухары оказались полковник Чарльз Стоддарт и капитан Артур Конолли. Оба должны были играть роль посредников и заниматься ведением от имени Англии переговоров с Хивинским правительством об освобождении всех русских пленных, а также персов для «предупреждения» возможного вторжения России в ханство. На самом деле на первом плане для них находилась военная разведка: изучение размещения воинских частей, их структуры, характера вооружения, потенциальных возможностей, средств передвижения, состояния тылового обеспечения и т. д., причем как российских, так и хивинских, бухарских и кокандских, которым рано или поздно предстояло столкнуться из-за очевидной полярности интересов государств. Любопытно, что Артур Конолли еще в 1834 г. заявил о себе как об одном из рьяных идеологов расхожего мифа об «угрозе Индии». В пространным приложении к изданной тогда книге он виртуально обрисовал наступление России на Индию: захват Хивы, затем движение на Балх и через горный перевал Гиндукуш — к Кабулу и Джелалабаду, дальше — к Пешавару и форсирование Инда⁷². Картина выглядела столь убедительной, что принесла Конолли сомнительную популярность. И на этот раз, находясь сначала в Хиве и Бухаре, а вскоре — в Оренбурге, Артур Конолли внимательно приглядывался ко всему, что так или иначе касалось прежде всего российской армии. Как сообщает П. Хопкирк, тот всюду по пути следования вел скрупулезный подсчет офицеров и солдат, изучал их оснащение, формы обучения и психологическую подготовку, ибо, по его мнению, это было то войско, которое «в конце концов, если такое когда-нибудь может произойти, окажется у границ Индии»⁷³. Однако и Стоддарт и Конолли столь открыто и самоуверенно занимались шпиона-

⁷² См.: *Hopkirk P. The great game: on secret service in High Asia*. P. 125.

⁷³ *Ibid.* P. 130.

жем и вербовкой агентуры, что оба были вскоре задержаны тайной полицией бухарского эмира и, несмотря на многократные обращения российских властей с просьбой об их помиловании, казнены в 1842 г. на главной площади Бухары.

В январе 1840 г. в Хиву прибыл капитан Джеймс Аббот, вслед за ним в июне — лейтенант Ричмонд Шекспир. О тайной миссии в Хиву Аббот поведал в двухтомных воспоминаниях «Рассказ о поездке от Герата до Хивы, Москвы и Санкт-Петербурга»⁷⁴, первый из которых увидел свет в 1843 г. Они не были переизданы. Видимо потому, что слишком прозрачно указывали на вмешательства Англии во внутренние дела государств Центральной Азии и России, рассказывали о жертвах, приносимых во имя осуществления амбициозных планов официального Лондона. Отрывки из опуса приводятся в книге Н. А. Халфина⁷⁵. Достаточно подробно излагает содержание воспоминаний и упоминавшийся нами П. Хопкирк в своей работе «Большая Игра: на секретной службе во Внутренней Азии», вышедшей в 1991 г. в Оксфорде. Впрочем, Джеймс Аббот вовсе не был намерен раскрывать сведения, представляющие государственную тайну и потому не имеющие срока давности. В мемуарах он недоговаривал, пытался представить свою миссию исключительно миротворческой, целью которой являлось ознакомление правительства Хивы с Англией и ее местом в мировой политике, урегулирование российско-хивинских противоречий, оказание всяческого содействия в решении вопроса о насильственно удерживаемых русскоподданных и предотвращении войны между Россией и Хивой. Тем не менее уже то, о чем он поведал, вполне ясно говорит об одном: в действительности все было как раз наоборот. Миссия нацеливалась на дестабилизацию политической ситуации в регионе и усиление конфронтации между двумя государствами.

Откровенно иронизируя по поводу «полной неосведомленности» Аллакули-хана об Англии и ее политике на Востоке, Джеймс Аббот, увлекшись, слово в слово излагает содержание своих переговоров с хивинским правителем и другими сановниками двора, неумышленно развеивая сомнительный миф о своей «миротворческой миссии». Так, например, отвечая на вопросы об экономической и военной мощи Англии и России, о состоянии российско-британских связей, об отношении Лондона к обеспечению безопасности и территориальной целостности Хивы, он подчеркивал, что его страна — великая держава и «все моря покрыты кораблями Англии, каждый из которых имеет от

⁷⁴ *Abbot J. Narrative of a Journey from Heart to Khiva, Moscow and St. Petersburg, during the late Russian invasion of Khiva: with Some Account of the Court of Khiva and the Kingdom of Khaurism. In two volume. Volume 1. London, 1843.*

⁷⁵ См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии... С. 281—283.

20 до 120 орудий большого размера... Ее крепости полны пушек и тысячами лежат в каждом из arsenалов. Мы имеем больше оружия, чем любая другая нация в мире». Британия, убеждал Аббот, превосходит Россию буквально во всех отношениях, однако они не находятся в состоянии войны и каждый имеет посла в столице другой страны; она — друг всех мусульманских государств и поэтому не хочет видеть Хиву занятой Россией, а русские, особо замечал он, слишком уважают британскую военную и политическую мощь, чтобы рискнуть досаждать кому-либо из ее союзников, и т. п. В таком же духе излагались и многие другие вопросы, поднимавшиеся на переговорах.

Характер ответов не оставляет никаких сомнений в том, что речь идет об оказании давления на Хивинское правительство, о стремлении подтолкнуть его к разрыву отношений с Россией и переориентации политического курса на союз с Англией. Британские эмиссары, пугая Аллакули-хана «русской угрозой», обещали ему всяческую поддержку Англии, предлагали заключить союз с Бухарой и Кокандом и объявить войну России. С этой целью они выражали готовность взять на себя оказание посреднических услуг в переговорах с российскими представителями об освобождении находящихся в неволе русских, персов и афганцев в обмен на хивинцев, задержанных на территории России⁷⁶. Взамен от Хивы требовалось сохранять нейтралитет, ни в какой форме не вмешиваться и не осуждать агрессию Англии против Афганистана, отказаться от оказания какой бы то ни было помощи Афганскому правительству в организации защиты суверенитета своей страны. Принятие Хивинским правительством условий означало бы, во-первых, что оно не поддерживает курс России на сохранение независимости и территориальной целостности Афганистана, о чем она неоднократно заявляла, и, во-вторых, что оно поощряет вооруженную интервенцию против соседней дружественной страны. Согласиться на это Хива не могла.

Хивинское правительство приняло только посреднические услуги англичан в обмене русскоподданных пленных. Этим оно и ограничилось. Аллакули-хан, смещения которого настойчиво добивался Перовский, летом 1840 г. без предварительных условий освободил почти всех 500 русских, находившихся в Хиве в качестве пленных⁷⁷, специальным фарманом наложил запрет на захват заложников, нападения на торговые караваны. Что же касается похода отряда Перовского, то он был расценен как очередная провокация тех недружественных сил, которые являются противниками российско-хивинского сотрудничества.

⁷⁶ *Peimani H.* Regional security and the future of Central Asia: the competition of Iran, Turkey, and Russia... P. 212—215; *Тухтаматов Т. Г.* Россия и Хива в конце XIX—начале XX в. С. 15.

⁷⁷ *Галкин М. Н.* Этнографические и исторические материалы... С. 161.

Аллакули-хан поручил дивану безотлагательно приступить к переговорам с Россией по всему комплексу спорных вопросов.

Мирные инициативы Хивы в Санкт-Петербурге были встречены с заметным облегчением. Правительство Николая I, дискредитировавшее себя организацией авантюристического похода на Хиву, выразило готовность к переговорам. Царь распорядился немедленно освободить всех хивинских купцов, задержанных в Оренбурге, Астрахани и других российских городах, возвратить товары, предоставить им, как и прежде, свободу передвижения по стране и торговли.

Переговоры правительственных делегаций России и Хивинского ханства продолжались более двух лет, с 1840 по 1842 г., правда, с незначительными перерывами, связанными с обновлением составов представителей, их отъездами для консультаций на родину. В Москве и Санкт-Петербурге за это время побывали дипломатические миссии Атаняз-Ходжи, Ваисбая Ниязова, Ишбая Бабаева, а в Хиве — капитана российского генерального штаба П. Никифорова и офицера по особым поручениям при военном губернаторе Оренбургского края, прекраснейшего знатока Востока подполковника Г. И. Данилевского, оставившего бесценные труды по истории, этнографии, традициям и культуре народов региона. Одновременно шла интенсивная переписка между Аллакули-ханом и Николаем I.

Предложения российской делегации, по сути, напоминали основные положения декларации о целях и задачах похода на Хиву, утвержденной Николаем I в связи с предстоявшей экспедицией В. А. Перовского. Они сводились к следующему: 1) не вести против России враждебных действий и не потворствовать им; 2) признать независимость русскоподданных казахов и туркмен; 3) не допускать укрывательства на своей территории враждебных и мятежных элементов; 4) не препятствовать прохождению по территории ханства торговых караванов из соседних стран, направляющихся в Россию, а также идущих в обратном направлении; 5) прекратить сбор пошлины в низовьях Сырдарьи и демонтировать возведенные укрепления; 6) уравнивать в правах русских и хивинских купцов; 7) предоставить судам России право свободного плавания по Амударье; 8) учредить в столице городе Хиве постоянное Российское агентство и не чинить препятствий в его деятельности; 9) признать российского агента посредником при любых «раздорах» с соседями, без его участия не заключать никакие «условия» с другими народами; 10) в случае смерти на территории Хивинского ханства кого-либо из русскоподданных его имущество безоговорочно передать в распоряжение агента. Российское правительство считало, что «вообще соблюдение всех постановляемых условий» в Хивинском ханстве должно обеспечиваться «лицами и имуществом хивинских торговцев, в России находящихся»⁷⁸. Таким

⁷⁸ АВГР, СПб. Главный архив, I-I, оп. 781, л. 80, 132—140, док. 53, а также I-6, 1840-1, л. 14—21. Цит. по: *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 290.

образом, оно оставляло за собой право применения в одностороннем порядке, без всяких переговоров с Хивинским правительством, санкций в случае признания нарушенными тех или иных статей соглашения.

Для хивинской делегации наиболее актуальными представлялись: 1) прекращение каких бы то ни было враждебных действий России против Хивинского ханства; 2) гарантирование свободного и беспрепятственного передвижения по территории страны хивинских купцов; 3) сокращение таможенных пошлин на хивинские товары; 4) взаимное разграничение зон влияния в Прикаспийском регионе, демонтаж всех российских укреплений; 5) невмешательство во внутренние дела ханства, его взаимоотношения с являющимися хивинскими подданными казахскими, туркменскими и каракалпакскими племенами и т. д.

Итогом многомесячных изнурительных дискуссий стал «Обязательный Акт» между Российской империей и Хивинским ханством, подписанный в Хиве 27 декабря 1842 г. Документ состоял всего из девяти статей, шесть из них касались обязательств хивинской стороны, остальные три — российской. От первоначального варианта их содержание отличалось существенно.

Хивинское ханство, отмечалось в документе, желая «пребывать в постоянном мире и тесной дружбе с просветленной и могущественной Российской империей», отказывается от каких бы то ни было враждебных действий против нее, включая участие в грабежах торговых караванов в степях Казахстана либо на Каспийском море или же содействие им, а также содержание в неволе русскоподданных. Отныне российские товары, ввозимые в Хиву, должны были облагаться пошлиной, не превышающей 5 % их реальной стоимости, а караваны, следующие в Бухару, Коканд и обратно, — пропускаться беспрепятственно и не облагаться пошлиной, за исключением уплаты общепринятого зякета.

Россия обязалась гарантировать на своей территории покровительство хивинским купцам и предоставить им все те льготы, которыми пользовались «купцы других азиатских владений»⁷⁹.

Как явствует из текста документа, сторонам не удалось достичь взаимоприемлемого соглашения по целому ряду принципиальных вопросов российско-хивинских отношений. Не было найдено решения такой проблемы, как строительство на восточном побережье Каспийского моря русских пограничных укреплений. Официальная Хива, как известно, считала его зоной собственных интересов.

Хива отказалась предоставить России и право свободного судоходства по Амударье, так как это ущемляло ее статус-кво и лишало

⁷⁹ См.: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1841 г. Т. III. Ташкент, 1912. С. 106—107; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 322—323.

значительной части таможенных поступлений. Она отклонила предложение России о демонтаже укреплений, возведенных ею в низовьях реки Сырдарьи и у Мангышлака, в ответ на строительство там же российских крепостей.

Открытым остался вопрос о периметрах государственной границы, демаркации, являвшийся причиной частых конфликтов в районах прикосновения и «зонах влияния» России и Хивы в Прикаспии и Приаралье, прежде всего в степях Казахстана и на востоке Каспийского моря. Эта неопределенность порождала осложнения, взаимную подозрительность и недоверие.

При очевидных недоработках, ограниченности сферы правового регулирования «Обязательный Акт» все же явился первым в истории отношений между Российской империей и Хивинским ханством *правящим* документом, регламентирующим их *взаимные* обязательства и полномочия де-юре. Его определяющее значение заключается прежде всего в том, что в нем, во-первых, оба государства отчетливо заявили о стремлении к миру, добрососедству; во-вторых — граждане России и Хивы получили равное право свободного въезда и выезда, проживания и передвижения в стране пребывания, в-третьих — были существенно упорядочены принципы торгово-экономического сотрудничества.

Позитивный потенциал, заложенный в документе, в последующем сыграл положительную роль в улучшении российско-хивинских контактов. В России отношение к дипломатическим посланникам Хивы, которые нередко воспринимались как дипкурьеры, изменилось. Уже в 1843 г. сначала в Оренбурге, затем в Петербурге с особыми почестями встречали миссию Мухаммед-Амина Авазбердыева. Он вел переговоры с К. В. Нессельроде, который передал ему скрепленный подписью Николая I текст «Обязательного Акта», получил аудиенцию у царя. В июле того же года послу были устроены торжественные проводы в связи с отбытием на родину⁸⁰. Позднее все тот же К. В. Нессельроде признавал, что по акту, заключенному с ханством в 1842 г., «мы выговорили... некоторые преимущества, которые делают то, что наши купцы сами теперь ездят в Хиву, производя там торг на гораздо выгоднейших условиях, нежели прежде»⁸¹. Более защищенными и свободными чувствовали себя в России и хивинские торговцы.

Вместе с тем было очевидно, что открытость в акте целого ряда назревших вопросов российско-хивинских отношений, в частности взаимного признания нерушимости границ, территориальной целостности, параметров «зон» геополитических и экономических интересов

⁸⁰ См.: Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой... С. 139—140.

⁸¹ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края... С. 13—14.

сторон, являлась свидетельством нежелания определенных сил в правящей верхушке как России, так и Хивинского ханства искать и находить взаимоприемлемое компромиссное решение. Она дегармонизировала российско-хивинские отношения, была выгодна главным образом для сторонников «силового давления», пытавшихся взять реванш за фиаско 1842 г.

Силы реакции перешли в наступление уже в середине 40-х гг., когда «Обязательный Акт» еще только-только начал проявлять свой позитивный потенциал. Инициаторами нового витка нагнетания напряженности в отношениях между Россией и Хивинским ханством, как и прежде, стали главным образом военные круги Оренбургского края. В. А. Обручев, сменивший В. А. Перовского в кресле военного губернатора края, то ли по собственной инициативе, то ли по чьей-то указке «сверху», продолжил линию своего предшественника. Прикрываясь изношенными демагогическими лозунгами «защиты интересов России», «освобождения угнетенных Хивой русскоподданных киргизов», «охраны торговых путей» и т. п., он вторгся в сферу компетенции центрального правительства и МИДа, предъявлял правительству Хивы ультимативные требования. Во второй половине 40-х гг. на восточном побережье Каспия без всяких причин ускоренными темпами начинает наращиваться российское военное присутствие, внешне напомилавшее подготовку к войне. В непосредственной близости от хивинских границ в нарушение ранее достигнутых соглашений в 1845 г. возводятся мощные укрепления Уральское (впоследствии г. Иргиз) и Оренбургское (впоследствии г. Тургай). На Мангышлаке появляется Ново-Петровское укрепление. В 1847 г. в районе впадения реки Сырдарьи в Аральское море закладывается укрепление Раим (переименованное в 1851 г. в Аральское), хотя Хивинское правительство предъявляло свои права на эти территории.

Чрезмерная военная активность в Прикаспии и Приаралье местных властей обеспокоила Санкт-Петербург. К. В. Нессельроде, которого никак нельзя было обвинить в чрезмерных симпатиях к правителям соседних ханств, 16 января 1847 г. обратился к военному министру А. И. Чернышеву с посланием, в котором не скрывал своей тревоги по поводу самовольных действий военных кругов в регионе Центральной Азии, у самых границ Бухарского эмирата и Хивинского ханства. «Устройство укрепления на Сырдарье в сильной степени встревожит наших соседей, бухарцев и хивинцев, в которых еще не прошло впечатление, — напоминал К. В. Нессельроде, — произведенное недавним возведением укреплений Оренбургского и Уральского и перенесением на Мангышлак Ново-Александровского укрепления, и которые, видя все сии действия, не могут не подозревать наше правительство в преобладательных замыслах. Этими тревожными мыслями и опасениями правителей ханств нельзя пренебрегать, поскольку Россия

ведет с ними торговлю. Правда, эта торговля не достигла еще желаемой степени развития, но тем не менее не может считаться ничтожной для нашей промышленности...»⁸²

«Ястребы» проигнорировали предупреждение К. В. Нессельроде и на сигнал тревоги не отреагировали. Военные круги Оренбуржья и Санкт-Петербурга не намеревались демонтировать форпосты. Более того, в 1847 г. возведение Раимского укрепления заканчивается, а в 1848 г. строится форт Карабутак между Оренбургской линией и новыми укреплениями. Одновременно создается Аральская флотилия, имевшая военное назначение. Это неприкрытое соперничество между военными кругами и гражданской элитой в окружении Николая I за влияние на Российское правительство, усиление в нем собственных кастовых позиций таило в себе потенциальную угрозу для мирного взаимодействия России не только с Хивинским ханством, но и со всеми другими государствами Центральной Азии, для их взаимовыгодного и равноправного сотрудничества. Военная верхушка царского кабинета частенько одерживала верх благодаря широкому влиянию на правящую элиту.

Правительство Хивы решительно осудило милитаризацию региона Приаралья и наращивание в нем военного присутствия Российской империи. Мухаммед Амин-хан (1845—1855), вступивший на трон после скоропостижной кончины Рахманкули-хана, сына Аллакули-хана, в конце 1846 г. направил в Санкт-Петербург с дипломатической миссией Клычнияз-бая Ниязмухаммедова и Шукурулла-бая Мискинова, которым было поручено добиться демонтажа Раимского укрепления и вывода российских войск из правобережья Сырдарьи. Миссия окончилась неудачей: Николай I в грамоте от 26 апреля 1847 г. лишь заверил ханских посланников, что Россия будет сохранять мир и дружественные отношения с Хивой, а хивинские торговцы по-прежнему будут находить защиту и покровительство российских властей. Что же касается возводимых укреплений, то было заявлено, что их цель — «обезопасение торговли и установление большего в тех местах порядка»⁸³.

Такой же уклончивый ответ в январе 1850 г. получило уже в Санкт-Петербурге и посольство Ходжа-махрама Аллабердыева, хотя оно и сообщило о признании официальной Хивой прав России на земли «Киргизской степи», то есть Казахстана, но потребовало вывода оттуда войск и демонтажа возведенных военных укреплений, что могло бы послужить гарантией разрядки напряженности.

Хивинское ханство и в последующие годы предпринимало настоячивые дипломатические усилия, чтобы «проникновение» России в ре-

⁸² Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края... С. 12—14.

⁸³ Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии... С. 348.

гион носило мирный характер. В поисках компромисса оно шло и на уступки. Например, посольство Шукурулла-бая Мискинова, прибывшее в Оренбург в апреле 1852 г., от имени хивинских властей предлагало правительству России провести разграничительную линию между ханством и империей по периметру Сырдарьи, в случае необходимости — под наблюдением третьих стран⁸⁴. Но это предложение также было отклонено. «Ястребы» вновь одержали верх.

Несогласованность и противоречия в действиях ведущих ведомств — Азиатского департамента и Министерства иностранных дел, которые непосредственно отвечали за выработку и практическую реализацию российской восточной политики, диктат военной элиты, пользовавшейся покровительством Николая I и систематически дезинформировавшей правительство по поводу ситуации в Центральной Азии, в том числе в Хивинском ханстве, не позволили остановить или хотя бы предотвратить надвигающуюся угрозу конфронтации между Россией и государствами региона. Ее контуры обозначились в июле 1853 г., когда экспедиционный корпус под командованием небезызвестного В. А. Перовского штурмом овладел на правом берегу Сырдарьи кокандской крепостью Ак-мечеть, которая могла служить опорной базой для развертывания широкомасштабных военно-наступательных операций в регионах Приаралья и Прикаспия против Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств.

Официальные власти Хивы, осведомленные о взаимоотношениях В. А. Перовского и Николая I, об их позиции, убедились в абсолютной бессмысленности дальнейших переговоров с правительством России, полностью разуверились в возможности мирного сосуществования. Н. П. Игнатьев, посетивший ханство во главе посольства летом 1858 г., после встреч и бесед с Сеидом Мухаммедом Рахим-ханом I признавался в том, что надежд на соблюдение Хивой прежних договоренностей нет и поэтому устье Амударьи «рано или поздно придется занять»⁸⁵. Это означало, что вооруженной конфронтации не избежать. Такой поворот устраивал российские военно-политические круги и хивинскую феодальную олигархию, которые не желали сближения России и Хивы. В нем они видели реальную угрозу собственному существованию, политическому и экономическому господству в обществе. Война была для них куда предпочтительнее, чем трудный поиск компромиссов и мирное сосуществование двух государств.

⁸⁴ АВПр, СПб. Главный архив, I-6, 1852-1, л. 51—56; *Халфин Н. А.* Россия и ханства Средней Азии... С. 359.

⁸⁵ *Залесов Н. Г.* Посольство в Хиву и Бухару полковника Игнатьева в 1858 г. // *Русский вестник*. 1871. № 3—4. С. 47.